

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК РЕЛЕВАНТНЫЙ ПРИЗНАК ЭТНОКОННОТАТА

© 2005 О. И. Быкова

Воронежский государственный университет

Проблема коннотативности единиц языка как признака, детерминируемого спецификой этноментальной деятельности, социализацией языковой личности в „этномосфере“ [9], во многих отношениях недостаточно глубоко изучена в языкознании и представляет интерес в плане определения лингвистического статуса, гетерогенной структуры и типологии коннотации.

Мы полагаем, что этноконнотация – вид культурной коннотации является особой формой презентации гетерохронности и гетерофункциональности единиц лексикона человека. Данное нами ранее определение этноконнотата (ЭК) [4, 29] нуждается в дальнейшей детализации и верификации фактами языка. В многомерной структуре этноконнотации мы рассматриваем ЭК как макрокомпонент, включающий образную составляющую, маркированную ингерентными признаками-спецификаторами культурно-исторического характера /локус/, /темпус/; этноэмотив /ЭЭ/, а также признаками, связанными с функционированием (социолект) в определённом социуме носителей языка и определённой сфере употребления (функциолект).

Релевантным признаком ЭК, на основе которого осуществляется ассоциативное переосмысление денотативного или квазиденотативного содержания языковой единицы, является образная составляющая. В основе когнитивно-языкового механизма возникновения этноконнотации лежит ассоциативное переосмысление в ЭК знака-символа, который как ментальный образ в существующем в сознании человека особом несловесном предметно-образном, универсально-предметном коде (УПК) [5] может отсылать к чему-либо другому на основании признака, по А.А. Потебне, „образа образов“, внутренней формы. В концепции А.А. Потебни внутренняя форма, объективное, ближайшее значение слова, рассматривается как универсальный способ генезиса слова через тот или иной мотивирующий признак. Внутренняя форма „показывает, как представляется человеку его собственная мысль“; как „средство создания мысли“ она объединяет чувственный образ и обуславливает его сознание [13, 155, 183-184]. Этот наиболее яркий, важнейший признак чувственного образа (как совокупности многих

признаков, образующих единство) является представителем значения.

На односторонний подход к понятию внутренней формы, вывод её за пределы семантической структуры слова в область психических (сенсорно-перцептивных) категорий, обращает внимание Н.Ф.Алефиренко: „Внутренняя форма – результат сложных речемыслительных процессов, предполагающих языковую объективацию тех или иных психических форм отражения номинируемой действительности“ [3, 77]. Она выполняет дешифрующие функции: гносеологическую, так как служит средством познания наименованных фрагментов действительности и репрезентирующую – как символ образа. Как источник и стимулятор языковой номинации – это важнейший регулирующий фактор формирования языкового значения и его речевой реализации [2, 64-65].

Возникает вопрос, каким образом соотносятся внутренняя форма и коннотативный компонент значения?

Отнесение внутренней формы к коннотативному значению признаётся В.Н.Телия, определяющей её как „криптосмысл“, который выполняет роль темы, „а экспрессивная окраска, которая создаётся оценкой, эмоциональным отношением, стилистической отмеченностью – роль ремы“ [15, 48]. Н.Ф. Алефиренко отводит внутренней форме функцию „обобщённо-абстрагированного признака того понятия или представления о денотате, который формирует определённые ассоциативно-образные коннотации. Такой обобщённо-абстрагированный признак содержит в себе деривационную память об источниках лингвосомиозиса номинативного, структурно-семантического и когнитивного характера“ [1, 68]. Внутренняя форма знака предстаёт как стимул переработки и преобразования первоначальной информации, кодируемой в языковом знаке непрямого номинации [3, .80]. Этапными узловыми механизмами формирования образной семантики слов вторичного номинации являются: УПК – предметный остов слов – внутренняя форма – словесный образ [3, 75].

Внутренняя форма непрямого именованного не всегда может легко обнаруживаться в этимологии слова и требует погружения в знаковую си-

туацию этнокультурного контекста. Процесс вторичной семиотизации состоит в определённой знаковой фиксации концептов культуры и их хранения в семантическом пространстве языка этой культуры. Знаковая, символическая ситуация, в которой осуществляется намерение субъекта вложить в знак некоторую интерпретанту, предполагает кроме прямого знака-референта наличие устойчивой связи между символизируемым и символизирующим в сознании индивида, в котором просвечивают коллективные представления, опосредованные культурой как глубинные структуры бессознательного.

Мы разделяем мнение Н.Ф.Алефиренко, что в отличие от внутренней формы словесных знаков прямой номинации внутренняя форма знаков вторичной номинации значительно информативнее, так как проецирует свойства и признаки элементов денотативной ситуации, отношения между ними, преломляет и конкретизирует, сфокусированные в ней субъективные смыслы. Денотативно-прагматическая ситуация предполагает целостность отражаемого фрагмента действительности, объединённого набором признаков обобщённого характера с выделением центральных, существенных и случайных, периферийных. С осмысления этой ситуации начинается этноязыковое кодирование культуроносных смыслов. „На более высоком уровне осмысления денотативной ситуации в центре внимания оказывается сам код, в содержании подтекста фиксируется не само сообщение, а код, которым оно шифруется и при помощи которого оно вводится в систему кодов этноязыкового сознания“ [1, 62].

Внутренняя форма знаков вторичной номинации как некий инвариантный смысл, смысловой ген концепта культуры, на основании образной составляющей, ассоциативно-образного признака обуславливает взаимодействие и взаимопроникновение денотативного и коннотативного содержания единиц языка и выполняет функцию интенсификатора этнокультурного смысла единиц непрямого именованного. Внутренняя форма выступает как мотивирующее основание для актуализации образной составляющей ЭК.

Когнитивное своеобразие процессов вторичного семиозиса состоит в опосредованной связи концепта с промежуточными образованиями (смысловыми интерпретациями, ассоциативно-образными структурами), типичными для всей этнокультурной общности. Человеческое мышление „нередко бывает совсем не логичным, а движется по ассоциациям, диктуемым жизненным опытом, важными признаками наблюдаемых ве-

щей и событий и другими неожиданными с логической точки зрения классификаторами“ [12, 69].

Необходимо отметить роль символа в процессе категоризации и номинации фрагментов действительности. Символ в его расширительном толковании, по мнению А.В.Кравченко, как условный знак объекта (понятия, идеи) существенным образом отличается по своей онтологии от символа как условного знака эмпирического объекта. Это отличие состоит в том, что в первом случае в качестве означаемого выступает некий конструкт – „концепт“, „идеальный образ“, „ментальная репрезентация“, некая совокупность отношений и взаимодействий в познаваемом человеком мире, которая хотя и категоризована с точки зрения языка как сущность, на самом деле не является эмпирической сущностью. В роли означающего, как правило, выступает эмпирический (псевдоэмпирический) объект, „не являющийся языковым знаком и при этом помещённый в *обязательный контекст* интерпретации, вне которого его способность выступать в качестве символа исчезает“ [6, 99].

На двойственный характер символа указывает немецкий учёный А. Бургхардт, определяя символы как „сжатые знаки“ (*gebaltte Zeichen*), которым свойственны культурно значимые толкования. Они представляют собой переkreщивание двусторонних комплексов форм отражения и их двойственных толкований, поэтому в них проявляются следующие моменты знаков: способ выражения, значение и отношение между ними [15, 480].

Значимость образной составляющей определяется её вхождением в ядро и базовый слой концепта культуры. Прежде всего, это касается ассоциативных слотов- классификаторов. В ЭК, как мыслительных структурах в форме фрейма/микрофрейма, фокусируются ассоциативные слоты-классификаторы, описывающие свойства класса объектов и образующие пучки признаков ассоциатов, которые интенционально выдвигаются в сознании носителей культуры при вторичной номинации денотата культуры на первый план.

Таким образом, концепт как знание о референте с помощью ассоциативных слотов как бы проецирует актуализацию в семантической структуре номинанты признаков приращения смысла в интенционале значения, дополнительных дифференциальных коннотативных сем.

Многоуровневая, иерархически структурированная когнитивная модель этноконнотации представляет собой одновременно открытую сеть интерпретант знака культуры в рамках определённой замкнутой „этнико-коммуникационной лингвокультурной сети“ [14, 8].

Этнолингвосемиотический анализ, нацеленный на определение соотносённости тела знака концептов немецкой культуры, вербализуемых вторичными этноконнотированными номинантами, с культурным кодом, показал различную степень интерпретируемости фрагментов действительности в кодах культуры языковым коллективом как сообществом интерпретаторов.

Код культуры в широком толковании – это „совокупность знаков (символов) и система определённых правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов, для передачи, обработки и хранения, запоминания. Правила, регулирующие коды, устанавливаются по соглашению между носителями одной и той же культуры“ [7, 241]. С позиций когнитивной лингвистики код культуры понимается как „сетка“, ко-

торую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [8, 232]. В качестве базовых кодов культуры принято выделять антропоморфный, предметный (вещный), акциональный, пространственный, временной, соматический (телесный), биоморфный (зооморфный и флороморфный), числовой, цветовой (хроматический), густический (вкуса), одорический (запаха), ономастический (именной), духовный.

Результаты нашего наблюдения над способом фиксации образно-мотивирующего признака ЭК вторичных немецких этноконнотированных номинант, определённым культурным кодом, представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Способ выражения образной составляющей ЭК в кодах культуры

Культурный код / Группа номинант	Духовный	Антропоморфный	Ономастический	Акциональный	Зооморфный	Флороморфный	Предметный (вещный)	Цветовой	Пространственный	Временной	Соматический	Одорический	Густический	Числовой	Вещественный	Биоморфный	Всего кодов
Прагматонимы	+			+		+	+	+				+			+		7
Скриптонимы	+	+		+		+	+										5
Мифонимы	+	+	+	+	+			+									4
Поэтонимы	+		+	+													3
Фитонимы	+	+				+											3
Хрононимы	+							+		+							3
Соционимы	+	+		+													3
Топонимы	+		+	+													3
Антропонимы	+		+														2
Зоонимы	+				+												2
Хроматонимы	+							+									2
Ойкодомонимы	+						+										2
Нумеронимы	+													+			2
Этнонимы	+		+														2
Генонимы	+	+															2
Порейонимы	+						+										2

При обозначении групп номинант мы используем терминологию Н.В.Подольской [11].

Наибольшую активность интерпретируемости оязыковлённой культурно значимой информации кодами культуры обнаружили прагматонимы (7кодов):

- 1) духовный: фразеосочетание *Thors Hammer*, *молот бога-громовика*, во вторичной номинации означает *удар грома*; 2) акциональный: *das Würstesammeln*, дословно *собираение колбас*, во вторичной номинации означает *традиционный обычай сельских ряженых в празд-*

- ник по случаю убоя свиней (das Schlachtfest)ходить по домам и собирать дары колбас*; 3) флороморфный: *der Senf*, *горчица*, в переносном значении *бесполезная, длинная речь, пустое высказывание*; 4) предметный: лексема *der Pott*, *горшок*, во вторичной номинации репрезентирована этноконнотированной семемой *Рурская область* (сокращённая форма от *der Ruhrpott* с усечённым первым компонентом *Ruhr-*); 5) цветовой: *die Schrippe*, *типично берлинское название белой булочки*, как вторичная номинанта актуализирует производную конно-

тативную семему в именном атрибутивном фразеосочетании *blonde Schrippe*, *пожилая дама со светлоокрашенными волосами*; б) одорический: *der Limburger*, *лимбургский сыр с сильным, неприятным запахом*, во вторичной номинации актуализирует две этноконнотированные семемы: (1) *неприличная шутка* и (2) *дурно пахнущие потливые ноги*; 7) вещественный: *die Kohle*, *горючее топливо, уголь*, в результате актуализации этноконнотированной семемы означает *деньги*.

Ассоциативное переосмысление денотативного содержания при вторичном именовании прагматонимов обусловлено знаковой сущностью артефактов (предметов домашней утвари, мебели, одежды, продуктов питания, точек питания), обладающих этноспецифической символической значимостью и многоплановостью их семиотических функций.

Особый статус и специфика функционирования ритуальной практики в структуре культуры состоит в использовании различных знаковых средств известных коллективу при именовании ритуализованных действий, их атрибутов и участников. Для их обозначения мы условно используем термин “скриптонимы,„ Скриптонимы обнаружили достаточно высокую степень культурно значимой вариативности кодирования интерпретанты в языковом сознании немецкой лингвокультурной общности (5 кодов):

1) духовный: *das Apernschnalzen*, *щёлканье кнутом*, при актуализации этноконнотированной семемы означает *старинный обряд фашинга (времени карнавалов между праздником Трёх королей и „пепельной средой“): мужчины и юноши демонстрируют своё умение щёлкать кнутом, согласно поверью, громкие звуки отгоняют злых духов*; 2) антропоморфный: *die Grasausläuter*, *дословно травяные звонари, вызывающие траву*, в контексте народного обычая весны в Австрии актуализуется этноконнотированная семема *мальчики с коровьими бубенчиками, вызывающие траву из земли*; 3) акциональный: *der Schlüssellauf*, *дословно бег за ключом*, в свадебном обряде означает *шутливое представление, символический бег за ключом от комнаты невесты с целью получения вознаграждения от жениха*; 4) флороморфный: *das Vielliebchen*, *орех-двойчатка, два сросшихся плода*, в контексте шутливого обычая в Валентинов день означает *пари, при котором делится пополам орех-двойчатка*; 5) предметный: *die Lebensrute*, *пучок прутьев, розги*, приобретают во вторичной номинации сакральный смысл *розги жизни* в обряде битья розгами с целью обретения жизненных сил, здоровья, лечения кожных болезней и др.

Образная составляющая мифонимов, лексических единиц обозначающих мифические существа, „шифруется“ 4-мя кодами культуры: 1) духовным: *die Walküre*, *валькирия*, *дословно выбирающая из мёртвых, в германской мифологии воинственная дева, подчинённая богу Одину и участвующая в распределении побед и смертей в битвах*, во вторичной номинации означает *сильная воинственная женщина*; 2) антропоморфным: культ деревьев *Frau Hasel*, *лещина*; *Frau Fichte*, *сосна*, (образы часто употребляемые в народных песнях); 3) ономастическим: *Siegfried*, *имя героя скандинаво-германской мифологии и центрального героя немецкой „Песни о Нибелунгах“* в качестве вторичной номинанты *der Siegfried* означает *белокурый, атлетического сложения юноша*; 4) зооморфным: *der Berchtentier / Perchtentier*, *животное-демон, обитающее по суеверным представлениям людей в Альпах*.

По количественной характеристике участия кодов культуры в зоне средней активности находятся следующие группы номинант, актуализации образной составляющей ЭК которых осуществляется 3-мя кодами.

Поэтонимы, обозначения персонажей художественных произведений, различных видов искусства, „шифруют“ образную составляющую ЭК кодами: 1) духовным: лексема *die Schildbürger*, *жители захолустного саксонского городка Шильды, персонажи народной книги Х.-Ф. Шёнберга „Schildbürger“ (1598 г.), известные своими выдумками и приключениями*, во вторичной номинации актуализирует две этноконнотированные семемы: *der Schildbürger* (1), *обыватель*; *der Schildbürger* (2), *простофиля*; 2) ономастическим: *имя Петра Шлемия, персонажа произведения А. фон Шамиссо „Peter Schlemihls wundersame Geschichte“ (1814 г.)*, во вторичной номинации репрезентирует две этноконнотированные семемы: (1) *неудачник* и (2) *хитрец*; 3) акциональным: *der Rattenfänger*, *крысолов, персонаж сказки „Крысолов и Хамельна“*, согласно сюжету освобождающий город от крыс под звуки своей волшебной флейты, и не получивший за это вознаграждение, заодно выманивает из города детей, во вторичной номинации обозначение приобретает культурноносный смысл: *искуситель, демагог, обманывающий народ обещаниями*.

Образная составляющая фитонимов выражается кодами: 1) духовным: *die Lutherrose*, *буквально лютеровская роза*, в этноконнотированной семеме служит обозначением *герба протестантской веры*; 2) антропоморфным: *Frau Holunder*, *бузина*, в немецкой лингвокультуре обозначает *культ дерева* (прежде чем ру-

бить бузину германцы обращались к священному дереву с молитвенной просьбой, зафиксированной Я. Гриммом в „Немецкой мифологии“); 3) флороморфным: das Blümchen, *цветочек*, в немецкой культуре переносным значением принято обозначать *низкосортный, жидкий кофе, так что на дне чашки из мейссенского фарфора виден традиционный рисунок цветка*.

Способом выражения образной составляющей ЭК вторичных номинант-хрононимов являются коды: 1) духовный: die Rauhächte, *суровые, мрачные ночи*, во вторичной номинации означают *святочные ночи*, (компонент *rauh* этимологически восходит к *gau*, *волосатый, обросший*; в религиозном представлении народа в эти ночи одетые в звериные шкуры демоны творят безобразия); 2) цветовой: фразеосочетание *weiße Weihnachten, weiße Ostern, белое Рождество, белая Пасха*, на основании ассоциации с белым цветом снега во вторичной номинации означает *снежное Рождество, снежная Пасха*; 3) временной: *langer Samstag, длинная суббота*, во вторичной номинации означает *высокий человек*: „*Im Scherz sagt man, er blicke bereits in die nächste Woche*“ [18, 691].

Образная составляющая ЭК соционимов, обозначений социального статуса человека, при вторичном именовании „шифруется“ кодами: 1) духовным: лексема *der Spießbürger*, квалицируемая с точки зрения современного немецкого языка как историзм, *вооруженный горожанин, рядовой городской дружины*, во вторичной номинации означает: *ограниченный в своих суждениях человек, обыватель*; 2) антропоморфным: *der Amtsschimmelreiter*, дословно *всадник на белом служебном коне*, употребляется только в переносном значении *чиновник-бюрократ, педантично выполняющий все поручения*; 3) акциональным: *der Deichpolizist*, буквально *полицейский на дамбе*, употребляется исключительно в коннотативном значении с оттенком иронии *крестьянин-пастух, пасущий стадо овец на дамбе, которая парнокопытными ещё сильнее укреплялась как защитное сооружение от возможных наводнений на севере Германии*.

Способом выражения образной составляющей ЭК вторичных номинант-соматонимов являются коды: 1) духовный: лексема *der Bart*, *борода*, в переносном значении *атрибут кайзера Фридриха I, Барбароссы*, ассоциативно связана с мифологемой бороды кайзера, которая символизирует длительность давнего прошлого и постепенность наступления будущего; 2) акциональный: *die Gosche* в австрийском варианте немецкого языка означает *рот*, во вторичной номинации – *болтливость, резкость, сочетаю-*

щаяся с бестактностью, бесцеремонностью и наглостью; 3) соматический: именное атрибутивное фразеосочетание *hohler Zahn, полый зуб*, при вторичном именовании репрезентирует этноконнотированную семему *Гедехтнискирхе в Берлине, верхняя часть которой полуразрушена и внешне напоминает полый зуб*.

Образная составляющая этноконнотированных топонимов представлена кодами: 1) духовным: *der Brocken, Брокен, вершина в Гарце*, на основании языческих культовых представлений германцев, согласно которым в Вальпургиеву ночь на 1-е мая, праздник весны, ведьмы отправлялись в путь на вершину горы; актуализирует производную семему *место обитания ведьм*; 2) ономастическим: *Vuxtehude, небольшой городок в округе Штаде в северной Германии*, означает во вторичной номинации *отдалённое место* (в словосочетаниях *in, aus, nach Vuxtehude*); 3) акциональным: именное атрибутивное словосочетание *das Hornberger Schießen*, дословно *стрельба в г. Хорнберге*, в качестве вторичной номинанты означает *отсутствие положительного результата при больших издержках* (согласно народной былички жители г. Хорнберга в Шварцвальде так усердно упражнялись в салютировании в честь прибытия вюртенбергского князя Э. Людвига (1617-1733 гг.), что к моменту торжественного приёма был израсходован весь порох).

По результатам нашего наблюдения наименьшую активность передачи интерпретанты в культурных кодах (2 кода) показали антропонимы, зоонимы, хроматонимы, ойкодомонимы, нумеронимы, генонимы, порейонимы

Этнокультурная маркированность антропонимов является их коннотативным потенциалом во вторичной номинации. Образная составляющая ЭК, шифруемая духовным и ономастическим кодами, показательна для вербализации антропонимами концептов немецкой культуры: 1) духовный код: на основании сложившегося в лингвокультуре стереотипного образа, связанного с именем, вторичные номинанты-антропонимы обозначают принадлежность человека к этносу: *Lieschen, Müller, стереотипные образы немецких обывателей; Lötschken* от имени *Lotte, типичное обозначение девушки в Рурской области* (сравн. англ. *Jack and Jill, любые парень и девушка*); *der Michel, ироничное прозвище немца*; 2) ономастический код: *der Büchmann, человек, употребляющий в речи много цитат*, восходит к фамилии Георга Бюхманна, издавшего впервые в 1864 г. сборник цитат немецкого народа „*Zitatenschatz des deutschen Volkes*“.

Образная составляющая ЭК этноконнотированных зоонимов передаётся кодами: 1) духовным: *der Salamander, саламадра, тритон*, по средневековым донаучным представлениям существо, живущее в огне; вторичное именование *студенческий ритуал встречи за общим столом в пивной*: при произнесении ритуального заклинания „Salamander!“ выпивалось спиртное (иногда напиток специально поджигали для создания иллюзии образа жизни огненной саламандры); 2) зооморфным: *der Laubfrosch, зеленая лягушка, обитающая в листве*, на основании ассоциации, вызываемой зелёным цветом, актуализируется образная составляющая ЭК двух этноконнотированных семем: (1) *студент-корпорант, носивший головной убор зелёного цвета*, и (2) *марка автомобиля, производимого в Германии после 1929 г.*

Хроматонимы как языковые универсалии особого типа и артефакты культуры отличаются этноцентричностью, так как они ориентированы на конкретный этнос, отражают специфические для культуры данного этноса аспекты концептуализации мира. Образная составляющая ЭК вторичных номинант-хроматонимов выражается кодами: 1) духовным: в фольклоре и народной демонологии *grün, зелёный*, приобретает символическое значение: а) фразеосочетание *die grüne Seite*, буквально *зелёная сторона*, в народной песне означает *любящее сердце*: „*Mädel, ruck, ruck, ruck an meine grüne Seite!*“ (17, Bd. III, 1181); б) все *природные духи* в архаичном представлении немцев зелёного цвета: *grüne Frauen, der grüne Jäger (= Wodan, der Führer des Seelenheeres); grüner Rock = der Teufel* [17, Bd. III, 1181]; 2) цветовым: *der Grüne, зелёный*, во вторичной номинации на основании разных векторов ассоциаций с зелёным цветом актуализирует 6 этноконнотированных семем: (1) *денежная купюра достоинством в 20 марок*, (2) *лесничий*, (3) *полицейский*, (4) *служащий таможи*, (5) *начальник охраны места заключения, носящие униформу зелёного цвета*; (6) *представитель партии „зелёных“*, *выступающих за охрану окружающей среды*.

ЭК ойкодомонимов, обозначений строений или их частей, содержат образную составляющую, выраженную кодами: 1) духовным: *ein bemoostes Haus, покрытый мхом дом*, в социолекте студентов означает *студент старших курсов, вечный студент*; 2) предметным: *die Gebetsmühle*, дословно *молебная мельница*, служит шутивным обозначением *новой башни-колокольни Гедехтнискирхе в Берлине, по форме напоминающей турецкую кофемолку*.

В немецкой культуре в сфере обиходной коммуникации значение нумеронимов, обозна-

чений чисел, обнаруживает способность, обращать этнокультурными коннотациями. Способами передачи образной составляющей ЭК нумеронимов выступают коды: 1) духовный: числа 11, 111, 1111 в немецком национальном сознании связаны с традиционным представлением о *числах для простаков* (*die Jeckenzahl* от *der Jeck = der Narr; Narrenzahl*) [18, 380]; 2) числовой: *der Achtundachtziger, восемьдесят восьмой*, в переносном значении реализует этноконнотированную семему *пекарь* на основании традиционного изображения на рекламных щитах булочных двух цифр 88, похожих на крендели [18, 19].

Образная составляющая этнонимов „шифруется“ кодами: 1) духовным: *der Ostfrieze, восточный фриз, представитель народности, проживающей на побережье Северного моря*, на основании стереотипно воспринимаемых черт характера восточных фризов в переносном значении приобретает этнокультурный смысл: *простодушный, доверчивый человек*; 2) ономастическим: *der Russe, русский по национальности*, во вторичной номинации – *насекомое, таракан*, на основании архетипичного представления немцев об усатых русских (или, наоборот, русских о пруссаках, сравн. аналогичное в русском языке обозначение таракана *пруссак*).

При вторичном лингвосомиозисе образная составляющая ЭК генонимов, имён родства, шифруется кодами: 1) духовным: *der Hausvater, отец семейства*, во вторичной номинации означает *традиционный вид обрядового хлеба, по форме напоминающий младенца, выпекаемый в Бургенланде (федеральная земля на востоке Австрии)*, согласно народному поверью он приносит в дом счастье и здоровье [10, 142]; 2) антропоморфным: лексема *die Altmütter, бабушки*, в коннотативном значении *облака*, употребляется в сфере бытового общения: о приближающейся грозе говорят: „*Die Alten erheben sich!*“ [17, Bd. I, 350].:

Образная составляющая ЭК порейонимов, обозначений средств передвижения, транспорта, передаётся духовным и предметным кодами культуры: в результате метонимического переноса наименования композита *das Schifferlsetzen*, буквально *расстановка корабликов*, репрезентирует этноконнотированную семему *старинный обычай в Нижней Австрии и некоторых других областях накануне праздника св. Николауса*: дети расставляют в доме родных и знакомых бумажные кораблики, а взрослые кладут туда подарки.

Духовный код культуры обладает наибольшей релевантностью при кодировании имплицитных этнокультурных смыслов всех групп номинант. Он пронизывает бытие, поведение,

деятельность носителей языка и предопределяет оценки, даваемые ими себе и окружающему миру.

Акциональный и предметный коды, тесно связанные с духовным кодом культуры и непосредственно относящиеся ко многим сферам окультуренного человеком мира, „шифруют“ образную составляющую ЭК (соответственно 5-ти и 4-х групп) номинант, вербализующих концепты культуры.

Фиксируемые во вторичных номинантах способы представления знаний говорящих, мотивирующие значение языкового знака, отражают этноцентричность языкового сознания. Наличие различных векторов ассоциаций при вторичной номинации знаков релевантно для сопоставления интерпретативной направленности этнознаковых функций реалий различных лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта. Теоретическое исследование / Н.Ф.Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Этноэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 70-81.
4. Быкова О.И. Лингвокультурологический подход к исследованию этноконнотации / О.И. Быкова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2001 - № 2. – С. 25-30.
5. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: Учеб. пособие / И.Н.Горелов, К.Ф.Седов. – 3-е переработ. и доп. издание. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
6. Кравченко А.В. Очерк когнитивной философии языка / А.В. Кравченко. – Иркутск: Издание ОГУП „Иркутская областная типография“, 2001. – 261с.
7. Кравченко А.И. Культурология: словарь / А.И. Кравченко – 2-е изд.– М.: Академический проект, 2001. – 672 с.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК „Гнозис“, 2002. – 284 с.
9. Лихачёв Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачёв. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
10. Муравлёва Н.В. Австрия. Лингвострановедческий словарь. – М.: Метатекст, 1997. – 415 с.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
12. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки, 1996. – №2. – С. 64 -70.
13. Потенция А.А. Мысль и язык / А.А. Потенция // Поэтика и эстетика. – М.: Искусство, 1976. – 613 с.
14. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты) / Ю.А. Сорокин. – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.
15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 142 с.
16. Burkhardt A., Geballte Zeichen: Das Symbol und seine Deutungen / A. Burghardt // Zeitschrift für Semiotik. – 1996, Bd.18, H.4. – S. 461-481.
17. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / hrsg. von H.Bächtold-Stäubli unter Mitw. von E. Hoffmann-Krayer, Bd. I-X. – Berlin; New York: de Gruyter, 3. unveränd. Aufl. – 2000.
18. Küpper H., PONS-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. – 1. Aufl., 5. Nachdr. – Stuttgart, Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung, 1993. – 959 S.